

Омар
Хайям

•

Рубайат

в классическом переводе
Германа Плисецкого

Золотая серия поэзии

Омар
Хайям

Рубайат

в классическом переводе
Германа Плисецкого

Москва
2017

УДК 821.222.1-1
ББК 84(5Ирн+5Тад)
Х12

*Лучшие стихотворения прошлого и настоящего —
в «Золотой серии поэзии»*

Составитель *Д. Г. Плисецкий*

Вступительная статья *Н. Кондыревой*

Оформление серии *А. Новикова*

Хайям, Омар.

Х12 Рубайат в классическом переводе Германа Плисецкого / Омар Хайям ; [пер. с фарси Г. Плисецкого]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 288 с. — (Золотая серии поэзии).

ISBN 978-5-699-39049-6

Знаменитые четверостишия-рубайи Омара Хайяма (ок. 1048 — ок. 1123) переводятся на русский язык уже более ста лет, но с особым успехом — начиная с 70-х годов XX века. В сборник, который вы держите в руках, вошли рубайи, переведенные замечательным поэтом и переводчиком восточной поэзии Германом Плисецким. «Хайям Германа Плисецкого убеждает прежде всего потому, что в его переводах старый иранский мудрец — действительно великий поэт» (Б. Слуцкий).

Дополнительную ценность сборнику придают предисловие самого поэта-переводчика и послесловие с рассказом о его судьбе.

УДК 821.222.1-1
ББК 84(5Ирн+5Тад)

© Плисецкий Г. Б., перевод на русский язык, наследники, 2017
© Плисецкий Д. Г., составление, 2017
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-39049-6

Загадка Хайяма

«С чего начать?» – этот вечный вопрос не только созвучен строю русской души, но и удивительно актуален для каждого, кто пытается подступиться к прояснению проблем, связанных с творчеством Омара Хайяма, этого персидского гения XI–XII вв. Традиционный зачин об «открытии» Хайяма в XIX в. английским поэтом Эдвардом Фицджералдом, по-моему, уже всем надоел, однако факт остается фактом: именно после публикации в 1859 г. переводов четверостиший Хайяма, выполненных Эд. Фицджералдом, на европейском поэтическом небосклоне зажглась новая звезда. Эта звезда персидской поэзии разгоралась все ярче, подчиняя своему влиянию Европу, а за ней и Америку. Хайям превратился в моду, переходящую в эпидемию, а книга Фицджералда, содержащая 101 четверостишие, выдержала до конца XIX века 25 изданий. В Иране, где Хайям прежде особой популярностью не пользовался, быстро сориентировались и «отыскали» (скорее, изготовили) немало старинных рукописей, включавших все больше и больше стихов.

Но тут в 1897 г. в Петербурге великий иранист В.А. Жуковский издает статью «Омар Хайям и «странствующие» четверостишия», в которой довольно безжалостно развенчивает этого новоявленного кумира публики. В своей статье В.А. Жуковский сопоставил

тексты четверостиший – в персидском оригинале, конечно, – с признанными собраниями стихов других поэтов, живших и творивших как до Хайяма, так и после него. И обнаружил, что там можно найти львиную долю «хайямовских» рубаи.

Прежде всего нужно уточнить сам термин – *рубаи* (множественное число – *рубайат*), который в русском понимании обозначает просто любой стишок из четырех строк, а в персидском – четко регламентированную стихотворную форму, определенным образом зарифмованную и, главное, всегда написанную одним и тем же стихотворным метром. Жанр (и метр) рубаи – исконно персидский, он восходит к пехлевийской литературе, а не к арабской, как ряд других стихотворных форм, однако считать его простонародным (как *дубайти* – персидские и таджикские частушки-припевки) неверно: рубаи сочиняли и изысканные поэты при царских дворах. Но все же в четырех строках особо не разгуляешься – вот почему «подписи», т. е. включенного в текст имени автора, в рубаи, как правило, не бывает, дата написания, конечно, тоже отсутствует. Поэтому и «странствуют» четверостишия из одного сборника, одного собрания в другие, приписываемые то одному, то другому поэту. Имя Хайяма иногда все-таки встречается в текстах рубаи, но именно это обстоятельство часто выдает в них подделку.

Разумеется, «закрытия» Хайяма, отмены его славы после статьи Жуковского не произошло – строгая научная статья не получила такой массовой известности, как переводы Фицджералда, но сознание ученых-востоковедов она отравила. И российские, и западные ученые принялись развивать разрушительную идею Жуковского и пришли прямо-таки к убийственным результатам: одни после долгих расследований признавали достоверными лишь десяток-другой рубаи, другие доводили это число до ста – ста двадцати, а третьи (среди них и некоторые

иранские знатоки) вообще отрицали существование Хайяма-поэта. До такого нигилизма дошли как раз самые строгие исследователи, приводившие весьма солидные аргументы. Дело в том, что в персидской классической поэзии за ее многовековую историю развития было выработано множество правил, критериев, оценок – целая система. Настоящим поэтом считался лишь тот, кто этим правилам соответствовал, подходил под схоластически выстроенную категорию «поэта» – придворного или отшельника, а вовсе не любой досужий писака, состряпавший пару-другую рифмованных строк. Но современники Хайяма о его стихах молчат, называют лишь его ученые труды, трактаты. В «поэтический цех» его, очевидно, не включали.

Что вообще нам известно о Хайяме, которого в персидской традиции обычно величают *хаким* – «мудрец»? Родился и жил Омар Хайям в Нишапуре в 1048–1131 гг., преуспел в науках, был известен своими трудами по математике, астрономии, философии. У него не было ни жены, ни детей, да и вообще он слыл человеком не слишком общительным, замкнутым. Возможно, поэтому лишь двое из его современников, лично встречавшиеся с Хайямом, сохранили в своих сочинениях сведения о нем.

В основном же биографические данные – скудные, наиболее интересные и доброжелательные сведения «очевидцев» о Хайяме содержатся в *адабном* (т. е. общеобразовательном, посвященном основам культурных знаний и стандартов того времени) трактате Низами Арузи Самарканди «Собрание редкостей, или Четыре беседы», написанном в 1157 г. Значит, стихи все-таки были! Как же их «вычислить», определить авторство, отделить, так сказать, зерна от плевел?

Исследователи довольно быстро подметили, что в «Рубайат» легко прослеживаются несколько основных

мотивов, вокруг которых можно сформировать группы или блоки близких друг к другу четверостиший. Так, постоянно встречается мотив Гончара, под которым подразумевается Творец, создавший, вылепивший из глины людей и запустивший механизм (круговорот) жизни и смерти на земле:

Я однажды кувшин говорящий купил.
«Был я шахом! – кувшин безутешно вопил. –
Стал я прахом. Гончар меня вызвал из праха –
Сделал бывшего шаха утехой кутил».

Этот выразительный мотив – создание Богом человека – очень искусно и красиво переплетается с мотивом бренности, непрочности (и краткости) человеческой жизни:

Этот старый кувшин безутешней вдовца
С полки в лавке гончарной кричит без конца.
«Где, – кричит он, – гончар, продавец, покупатель?
Нет на свете купца, гончара, продавца!»

Иногда этот мотив оборачивается глубокими размышлениями о непрерывности процесса жизни на земле, неизбежности смерти, о бесконечном круговороте материи в природе – эти раздумья часто тоже не лишены меланхолической окраски:

И пылинка живую частицей была,
Черным локоном, длинной ресницей была.
Пыль с лица вытирай осторожно и нежно:
Пыль, возможно, Зухрой яснолицей была!

Безусловно, очень большое место занимает в «Рубайат» тема вина во всевозможных вариантах: вино как Божий дар (и следовательно – пить разрешено); вино как средство утolenия печали, мировой скорби; вино

как способ ухода от жизни – и как символ протеста против строгих религиозных норм; вино как неоспоримая жизненная ценность и т. д.

Ни держава, ни полная злата казна –
Не сравнятся с хорошею чаркой вина!
Ни венец Кей-Хосрова, ни трон Фаридуна –
Не дороже затычки от кувшина!

Не менее важной темой, очень характерной для ученого, мудреца, представляется скептицизм, сомнения и раздумья автора о Боге, человеке и смысле жизни:

Был ли в самом начале у мира исток?
Вот загадка, которую задал нам Бог.
Мудрецы толковали о ней, как хотели, –
Ни один разгадать ее толком не смог.

Наконец, необходимо отметить «протестные» мотивы: острую неудовлетворенность автора окружающим миром, его попытки выразить свое отношение к несправедливостям жизни, так называемый спор с Богом. В разных вариантах эти настроения проходят через весь текст «Рубайат»:

Мы – послушные куклы в руках у творца!
Это сказано мною не ради словца.
Нас по сцене всевышний на ниточках водит
И пихает в сундук, доведя до конца.

Но Хайям никогда не выступал в качестве борца – ни в «борьбе роковой» с небесами, ни в дворцовых схватках, – он был рефлексирующим ученым, философом аристотелианского толка, стремившимся познать и понять жизнь и ход времен, признанным искателем истины, оставаясь при этом гордым индивидуалистом, а вовсе не «пролетарием умственного труда»:

Мой закон: быть веселым и вечно хмельным,
Ни святошей не быть, ни безбожником злым,
Я спросил у судьбы о размере калыма,
«Твое сердце, – сказала, – достойный калым!»

Что же касается «Рубайат», то число выделенных тем и примеров можно увеличить, но совершенно неубедительно рассматривать их в качестве аргументов для определения авторства Хайяма, а именно такова была цель обращения к содержанию стихов. Конечно, Хайям мог бы написать стихи такого плана, такого типа, но ведь и другие авторы до и после него тоже могли это сделать! Только серьезный анализ языка и стиля на основе персидского оригинала, а не переводов, может установить авторство. Уже в 1950-х гг. профессор М.-Н. Османов указывает в своей статье, сопровождавшей первое издание «Рубайат» в переводе Г. Плисецкого, на то, что стилистика хайямовского рубаи, по его мнению, диктуется логикой ученого, а не поэта-профессионала. В том же духе о рубаи Хайяма отзывался другой тонкий знаток персидской поэзии – М.И. Занд: в статье к журнальной публикации переводов Плисецкого он указал, что эти четверостишия построены как парадокс (подразумевалась логическая категория). Действительно, логический парадокс (или антиномия) присутствует во многих рассматриваемых четверостишиях. Возможно, что именно такой прием в значительной мере обусловил бурный успех Хайяма на Западе в конце XIX в., он же мог помешать его популярности в родных краях: в персидский канон парадокс как поэтическая фигура не входил.

Догматическая система выразительных средств средневековой персидской поэзии, которая сложилась очень рано, в X–XI вв., существенно отличается от европейского канона, возникшего в литературной практике гораздо позднее. Чем вообще определяется стиль?

В первую очередь жанровой принадлежностью и «оснащенностью» литературной традиции соответствующими образными средствами, а не личной волей или вкусом автора. В персидских поэтологических трактатах теория жанров практически отсутствует, а набор поэтических фигур, численно превосходящий европейский, по содержанию и употреблению часто не совпадает с привычным европейскому и русскому читателю. Никаких поэтических сложностей и изысканностей в «Рубайат» Хайяма нет. Он, как правило, пишет очень просто, прямым текстом. Настолько просто, что переводчики никак не могут вдохновиться скупым, почти «голым» оригиналом или подстрочником, который всегда ограничен и бездушен. Переводчики часто не улавливают большинства тех невидимых («неконтролируемых») связей/ассоциаций, о которых только что говорилось, они берут контроль на себя, «дополняют» стих разъяснениями – правильными или ложными – как повезет, что совершенно меняет его облик, а иногда и смысл. Наряду с этим и переводчики, и читатели постоянно впадают в заблуждение, принимая за свежие, оригинальные авторские образы обычные устойчивые языковые клише, давно утратившие метафорический смысл, превратившиеся в понятия/знаки (в семиотическом смысле). Так что иногда «яркая картина», «меткое выражение» возникают там, где их не было, где оригинал предлагает лишь скупую, порой сухую, констатацию фактов, указывает лишь на связи причинно-следственные, да и то «по-ученому», т. е. с большой долей сомнения.

Отсюда следует, что стиль, как и определенный набор тем, к которым чаще всего обращается автор, имеет очень большое значение для установления авторства того или иного четверостишия. Весьма полезным может также оказаться сопоставление стиля «Рубайат» и

сохранившихся ученых трактатов Хайяма – произведений «подписных», авторство которых общепризнано.

Будем считать, что печать эта снята временем – ведь минуло уже около девятисот лет! И теперь независимо от стараний и суждений ученых знатоков любой читатель может сам формировать для себя образ Хайяма – не запретишь!

В этом – великая сила литературы, на этом зиждется ее бессмертие. Литература, поэзия жива, пока есть желание ее читать и перечитывать, размышлять над ней и решать те загадки, которые она перед нами ставит.

* * *

В наш сборник включены 450 самых известных рубаи в переводе Германа Плисецкого. Стихи в его переводе обладают свойством мгновенного запоминания, совмещая в себе невероятную простоту и мудрость четверостиший Омара Хайяма.

Н. Кондырева

A decorative rectangular border with intricate, repeating floral and geometric patterns in black ink, framing the central text.

Рубайат

Живая личность поэта

От переводчика

Стихи такого поэта, как Омар Хайям, возможно, не нуждаются в предисловии. Но поскольку время его творчества отделено от нас восемью веками, я решаюсь добавить несколько слов от себя. Всё, что я узнал о Хайяме, всё, что понял в нем за время работы, — всё это без остатка ушло в переводы. Итог — перед читателем. Но мне хочется сказать о том, как постепенно менялось мое собственное представление о переводимом поэте, как живая логика его стихов изменяла предвзятый, односторонний образ, существовавший в моем воображении.

Ибо помимо поэтических и переводческих традиций существует еще инерция восприятия. Сложный поэт нередко упрощен, иногда (невольно) на первый план выступает одна какая-нибудь его черта, затеняя собой остальные. Так возникают «байронизм», «киплингианство», «есенинщина». То же произошло и с Хайямом. У многих, и у меня в том числе, сложился образ этакого веселого старца, с неизменной чашей в руке, между делом изрекающего истины. (Кабачки имени Омара Хайяма, открывшиеся в начале XX века в Европе и Америке, — только крайнее выражение этого понимания поэта.)

Несоответствие этого шаблона истинной поэзии Хайяма я почувствовал уже при работе над пробными четверостишиями. Из двадцати надо было перевести на